

ОЛЬГА КРАУЗЕ

Свободный полёт

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

Ольга Краузе

**Свободный полёт.
Фантастические повести**

«Издательские решения»

Краузе О.

Свободный полёт. Фантастические повести / О. Краузе —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904080-0

Свободный полет фантазии автора вылился в две совершенно разные повести, герои которых живут и любят по своему разумению в разных мирах. Но одно их объединяет — это жажда жизни в согласии с совестью.

ISBN 978-5-44-904080-0

© Краузе О.
© Издательские решения

Содержание

Свободный полёт	6
ПАДЕНИЕ	6
Бессонница и сновидения	6
Вещие карты	7
Куклы	10
Дамы с собачкой	12
Измена	14
Собутыльница	16
Драка	17
НЕБЫТИЕ	20
Воскрешение	20
За смертью	21
Мытарь	24
Мать наркодилера	27
Бухгалтер	28
Бестелесность	29
В ПРОСТРАНСТВЕ	33
Венец безбрачия	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Свободный полёт Фантастические повести

Ольга Краузе

художник обложки Пагава Тамара

иллюстрации Ольга Краузе

© Ольга Краузе, 2019

ISBN 978-5-4490-4080-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Свободный полёт

ПАДЕНИЕ

Бессонница и сновидения

Кабы в храме не запрещалось курить, Юлька бы Всенощную отстояла. А то как расчувствуется, растрогается, рука в карман за сигаретами сама тянется. Это вам не метро, где проехала из одного конца в другой, вышла и закурила. Молитва должна идти от души. А ежели душа закурить требует, а нельзя?

А чтобы порассуждать о «бизнесе» отцов церкви нашей, то курить еще больше захочется. Однако их мудрая стратегия нанесла серьезный ущерб истинным слугам дьявола, «табачным королям». Поскольку те платят пошлины и акцизы, а кто посягнет облагать налогами церковь Божию? Мирской недотепе Юльке, той «божественной» стратегии никогда не понять, ибо неисповедимы пути Господни.

Прости, Господи, ее душу некрещеную, ибо сам обряд крещения Юлька так ни разу и не смогла отстоять до конца. Когда всем бабам и девицам велят спустить чулки, а мужикам и хлопцам задрать брюки...

Прости, Господи, душу ее грешную, что в храм тянула во дни запретные, ибо никакие фирменные прокладки и тампоны-тампаксы Господа не обманут.

И не пыталась она у Господа, за что душа ее мается, по свету белому мыкается. И не роптала на Господа, аки дитя неразумное, птичку божию удавивши, прощение за грехи просит. А птичка божия не воскреснет! Так по что же святой отец в купол басит: «Ныне отпускаются грехи раба твоего»?

Не давила Юлька птички божией, не топила малых деток от собачек, кошечек, не травили даже мышки серенькой. А что в постные дни убоиной питалась, а в праздники голодала, так на все воля, Господа. И молюсь я по своему скудному разумению, и сказание сие о бедной Юлькиной душе, по дороге между тем и этим светом заплутавшей, поведаю, как сумею.

Сказывали, будто таблица Менделеева Дмитрию Ивановичу сама приснилась. А мне сдается, что она ему и вовсе спать не давала, а уснул-то он исключительно, когда всю систему окончательно представил. И только недостающие элементы в пустых клеточках осталось вычислить.

Хвала тебе, великая бессонница, пособница творцов и открывателей! Да разве села бы я записывать это горькое повествование, если бы каждую ночь, вплоть до самого утра, не грохотал за окном отбойный молоток, сопровождаемый похабными прибаутками и трехэтажными матюгами дорожных тружеников, поставленных мудрой рукой вышестоящего начальства реконструировать трамвайные пути именно в это благословенное время суток.

Да, разве села бы я писать, если бы спала не одна, а в обнимку?

Спасибо тебе, одиночество, берег мой неприкаянный, только ты даешь мне право оставаться самой собой, примеряя все встречные образы. Только при тебе маячит на горизонте петля – гениальное изобретение всех времен и народов, позволяющая однажды человеку раз и навсегда оторваться от земли, а не гнить заживо в собственных экскрементах, в суетливом окружении сердобольных обожателей, готовых тебя мучить до бесконечности.

Юлька не любила болеть. Когда она болела так, что уже не в силах притворяться здоровой, – она всех сердечных и сочувствующих посылала на три буквы. Когда Юлька действительно всерьез и надолго заболела, ей снился, с навязчивым постоянством, один и тот же бред:

Как она бежит. высунув язык, вдоль нескончаемого забора, пока в этом заборе не образуется дыра, в виде двух оторванных досок, валяющихся здесь же, под забором. Все пространство в этой дыре занимает старое кладбище. А между могильных оград и обелисков пролегал узкая тропа в Юлькино логово, где в лопухах, на ворохе тряпок, ждут ее, еще полуслепые щенки, которых она готова кормить до утра. Все восемь Юлькиных сосков горят от жажды накормить детей. Но там, под лопухами никого нет, а собранное некогда ею в кучу тряпье, растаскано вокруг разоренного лежбища по соседним кустам. Сначала, запаниковав, Юлька начинает нюхать землю, заглядывать в провалившиеся могилы, а потом садится на задние лапы, задирает морду на закат и воет горько и тошно, пока не проснется. А, проснувшись, чертыхается, закуривает и плачет так, что лучше не суйтесь к ней, а то обматерит и сами знаете куда пошлет.

Вещие карты

Глухой слышал, как немой рассказывал, что слепой видел, как хромой быстро-быстро бежал. Вот и я много чего поведаю, а верить мне или не верить, ваше дело.

На заводе, где инженером-конструктором трудилась Юлька, в механосборочном цеху, работала нормировщицей Ирина, многодетная мать-одиночка, Юлькина ровесница. Баба она была компанейская, шепутная и коллективные пьянки, с поводом и без, проводились именно на ее кухне, где она всем подругам лихо гадала на картах. Очень уж эта Ирина походила на цыганку. И за гадание свое обязательно деньги брала, поскольку относилась к делу весьма серьезно. А то, что потом эти деньги подружки все вместе прогуливали в ближайшей чебуречной, так на то они и деньги.

Надо сказать и карты у ней были, вроде бы простые, ан нет, заговоренные – правду говорили, даже вопреки желанию самой гадалки.

Однако Юльке Ирина никогда не гадала, а Юлька на этот счет и не озадачивалась. Вот только однажды, засидевшись у ней до глубокой ночи, попросила подругу погадать. Ирина в это время как раз карты перебирала и, как-то задумчиво произнесла:

– Ой, не стоит сегодня гадать, карты что-то врут.

– И с чего у тебя такое умозаключение?

– Да, видишь, два короля при поздней дороге, откуда им взяться в третьем часу ночи?

И, вдруг, раздался пронзительный звонок в дверь и, вслед за открывшей им хозяйкой ввалились два приятеля – макетчик Вася и сметчик Лёша из техотдела заводоуправления, пьяные, в дым.

– А мы идем и смотрим, что у тебя, Ирчик, свет на кухне горит, я и говорю Лёшке, нафиг нам, таким бухим, тачку ловить, нас еще водилы обшмонают и плакали остатки зарплаты! А лучше мы заглянем к нашему ненаглядному Ирчику, попьем чайку. Она нас, засранцев, в темноту не выгонит, хоть в коридоре на полу, да не на улице. А мы ее детишкам гостинцев с утра накупим, да и уйдем с Кешкой целыми и невредимыми, перед женами по полной программе отчитываться.

– Ну, вот, подруга, а ты говоришь, карты врут, нет уж, карты у тебя вещие. – засмеялась Юлька, стаскивая с пьяных друзей, изгвазданные в осенней грязи куртки.

Когда согревшись от домашнего тепла и горячего чая, гуляки угомонились и дружно захрапели в прихожей, на раскинутом диванчике, расположенном там, как раз, для подвыпивших гостей, которых грешно выгонять на улицу, Юлька уже с неподдельным интересом пристала к хозяйке, чтобы та погадала, не откладывая на потом. Ирина, еще немного поразмышляв про себя, взяла Юлькину гербовую бумажку, запихнула ее в лифчик и, закусив у краешка пухлого рта очередную беломорину (другое курево она не признавала), зашелестела картами.

В верхнем ряду выпали: восьмерка треф, туз треф и червовый король.

– В прошлом у тебя: слезы, напрасные хлопоты, неожиданные трудности, семейное счастье.

– А пиковый король и пиковая шестерка с шестеркой червовой что означают?

– Это в ближайшие дни: проблемы с законом, опасная дорога, любовное приключение.

– Ух ты! А червовая десятка, трефовый король и бубновая дама?

– Это твое будущее: большое сердечное счастье, проблемы с начальством, помощь влиятельной женщины. Сердечное счастье будет связано с близким тебе человеком. Виновником своих служебных проблем ты будешь сама. Помощь влиятельной женщины придет к тебе со стороны людей, которых ты знаешь. А лежит у тебя на сердце бесполезная ссора – она может осложнить твою жизнь. Это классическая цыганская раскладка, на десяти картах, не врет, однако с ясностью напряженка. Сейчас я своей бабушки Яси гадание разложу, оно вернее будет.

Легенды про бабушку Ясю из Армавира сама Ирина распускала нешуточные. Так что авторитет именно такого гадания уже давно стал незыблемым.

На лбу гадалки выступила испарина, грудное контральто перешло на шепот:

– И жилец ты, и не жилец. А все через свою любовь и через собственное колдовство, которым ты сама и управлять-то не способна. Не будет тебе ни жизни, ни смерти, и станешь ты мытариться, пока не встретишь маленькую девочку с золотыми глазами, пока не подбежит к тебе эта девочка на своих тоненьких, еще не окрепших ножках, не обхватит тебя за шею, и не шепнет тебе в самую твою потерявшуюся душу одно только слово ЛЮБЛЮ.

Дикой тоской повеяло от этого гадания. Юлька даже отшучиваться не посмела, а просто сняла с вешалки свое пальтишко и ушла бродить в слякотную ночь, натываясь на фонарные столбы до рассвета.

Ирина ей душу всколыхнула. Юлька призадумалась над своей судьбой крепко. Ведь это ж только ленивые языки среди нас не гоняли пургу, будто Юлька спит с половиной Питера, а в натуре, с ней давно на одной кушетки спит только ее собака, которая в данный момент дожидается у дверей запертой комнатенки с надеждой на утренний выгул. Юлька весьма само-

достаточный и свободолюбивый человек. Она терпеть не могла выяснения отношений и легко уходила, разрывая близкую связь после первой же размолвки. А тут Ирина ее своим гаданием так напугала, что буквально уже на следующий вечер, выгуливая собаку вдоль набережной, она всем сердцем жаждала разрушить свое одиночество. В голове навязчиво вертелась шаловливая песня:

*Когда дует с моря Гиперборей,
стаи рыб гоняя в устье Невы,
на покосе запах свежей травы
нас уносит в дали за сто морей.*

*Та, которая меня не ждала
Без которой я и так не скучала...
Завертелось, понеслось все сначала.
Как же раньше без нее я жила?*

*Разбежалось небо в пропасть лететь.
Покачнулась под ногами земля.
Укусила прямо в сердце Змея,
попросила про любовь чтой-то спеть.*

*Я бы спела, только скулы свело
и язык как будто к небу прилип.
Опрокинулись мои корабли,
вся эскадра оседает на дно.*

*Та, которая меня не ждала
и могла спокойно мимо пройти,
ей со мною было не по пути.
Почему она ко мне подошла?*

*Попросила прикурить – на, кури.
Пригласила погулять – ну, пошли.
Про любовь только не надо пошлить.
Белой ночью не горят фонари.*

*Только месяц в бледном небе плывет,
белой лодочкой цепляет кусты.
Мы гуляем, мы разводим мосты,
поднимаются их крылья на взлет.*

*Махнут крыльями мосты – им бы ввысь.
Я бы тоже прицепилась и вслед.
Эта девушка – предвестница бед,
из кошмаров моих Дикая Рысь.*

*Та, которая меня не ждала,
только снилась до утра по ночам,
от которой я бежала крича,*

появилась, прикурила, прожгла.

И она действительно появилась!

– Ой, какая милая собачка! А можно ее погладить?

– Можно! И погладить можно, и со мной постоять-покурить можно.

Эта милая девушка оказалась из ближайшего пригорода. Они проболтали допоздна. Красотка опоздала на последнюю электричку. Юлька с несвойственной ей быстротой, пригласила девушку в гости, переждать до утра и, уже через неделю, та жила у Юльки безвыездно.

Куклы

Наступило лихое времечко. Коммунистические идеи с Лениным впереди рухнули, Союз развалился. Северная Пальмира перестала носить имя Ленина и снова стала именоваться Санкт-Петербургом, хотя до того величавого Санкт явно не дотягивала оставаясь просто родным Питером на все времена. Братские республики разбежались и смежные производства больше не смогли выпускать продукцию, да и реализовывать уже выпущенное стало некуда и некому. Срочная приватизация государственных предприятий привела к банальным рейдерским захватам, после которых новые хозяева, неспособные не то, чтобы чертежи читать, а и в элементарной арифметике разобраться, стали просто разбирать предприятия по кирпичикам и распродавать на металлолом, а долги по зарплате рабочим выдавали оставшейся на складах продукцией.

Работу Юлька потеряла и никакой другой работы, кроме, как на вещевом рынке торговать, больше не было. Пока бандиты делили промеж собой заводы, дворцы, пароходы, народ выносил из дома все, что не приколочено и продавал за гроши, дабы прокормиться. Стоять за прилавком было не по нутру, нам же сызмальства втирали, что торговля дело поганое. Сколько народу по статье за спекуляцию по тюрьмам на баланде себе язву желудка заработало! Мало кто способен был догадаться, что без торговли, реализации продуктов производства, мир загнетса и великий рабочий класс окажется у параша. Чтобы жить по-божески нужно торговать. Подруга Юлькина, как раз только институт закончила, да специальность ее, тем более без опыта работы, оказалась не востребована.

Молодость на потом не отложишь, любовь более благополучного времени ждать не может. Гормон играет, глаз горит, страсти кипят. Но какой бы сладкой ни была любовь, компота из нее не сварить. Натощак особо не намилуешься. Ну и, как многие тогда, подрядились девчонки челночничать. Вручили Ирине-гадалке свою собачку, заплатили вперед за пригляд и выгул, и поехали. Сперва в долг работали, потом и на свои крутиться стали. Все решили напильники и гаечные ключи, которыми наконец-таки рассчитался с Юлькой родной завод, в конструкторском бюро которого она трудилась после института. В Польше сей товар шел на ура, так что Юлька выкупила железяки у бывших коллег, на чем они с подругой и крутились. На вырученные там злоты, закупили комплекты постельного белья и везли домой, в Питер. Дома сдавали товар оптом или на реализацию в одну лавочку Апраксиного Двора и катили обратно в Польшу. Вот так они и раскрутились. А дальше уже и другие товары туда-сюда возить стали. Бесшабашна жизнь в поездах, автобусах, таможенных очередях, базарной толкотни и ночевки по привокзальным отелям. Прямо точь в точь, как в той песенке:

Завтра я буду добрей, а сегодня никак.

Завтра я стану мудрей, а сегодня не очень.

Что-то тревожат меня эти лунные ночи.

Лезвие точит шустряк-брадобрей об косяк

*двери входной, где написано: «Выхода нет!»
И это правда – оттуда никто не выходит.
Надо б войти и прочесть надпись на обороте,
но брадобрей не внушает доверия мне.*

*Что ты стоишь на дороге и машешь рукой?
Ты же не хочешь ни ехать, ни подзаработать.
Это игра, или просто ночная охота
на идиотов за то, что они не с тобой,*

*в эту безумную лунную ночь загуляв,
мчат по шоссе, обдавая прохожего грязью.
Не семафорь, в этом городе плохо со связью.
Ты же не знаешь того, кто теперь у руля.*

*Кто заказал эту музыку под фонарем,
под образа засветив лицемерно лампаду?
Что нам еще в этом призрачном городе надо?
Разве нам мало того, что мы будем вдвоем*

*целую ночь в номерах простынь старую мять,
бежать в буфет за шампанским туда и обратно?
Будет тепло, горячо и безумно приятно.
Да не развалится в этом борделе кровать.*

Лихие, времена выживания, где надо балансировать среди аферистов и оставаться более-менее человеком. А пока в поезде трясешься – от безделья-то сдуреешь! Вот и настропалилась Юлька вязальным крючком, из разноцветных ниток всяких куколок мастерить. Да не просто куколок, а чтоб непременно на кого-нибудь эта кукла должна походить. И так она этим делом увлеклась, что всю свою родню, с любимой подругой вместе, и всех друзей и знакомых в этом кукольном варианте отобразила. У них в комнате, на письменном столе, ее подруга целый домик из картона смастерила, чтобы там эти куклы жили своей жизнью.

Да, что ж это я подругу-то Юлькину до сих пор никак не назову! Она тут не на чуток залетела – вместе они с Юлькой одной парой живут. Ну, давайте назовем ее Лилькой, чтобы складно было и не путаться.

Юлька и Лилька жили дружно, по пустякам не цапались. Дома неделями не бывали, гоняясь за выгодным товаром. Но, зато, как привезут товар, как скинут его оптовикам, так обязательно друзей назовут, гулянку затеют, чтобы кого подкормить, а с кем и дела перетереть, про более ходовой товар порасспросить, про новые оптовые точки. Жадный беден всегда, потому и не тряслись подруги над своей прибылью. Тем более, что банки не надежны, а замки и засовы еще никогда воров не останавливали. Юлька Омара Хайяма любила в такие моменты вспоминать:

*Мы больше в этот мир вовек не попадем,
вовек не встретимся с друзьями за столом.
Лови же каждое летящее мгновенье —
его не подстеречь уж никогда потом.*

А тут вдруг модно стало в Бога верить, в церковь ходить, иконам кланяться, свечки ставить. Считалось даже не интеллигентно в атеистах прозябать. Но, как вам известно еще с самого начала моего повествования, это модное явление, ничего, кроме жажды закурить, у нашей героини не вызывало. Да и вообще, Юльке с Лилькой не до того. У всякого человека свой храм в душе имеется, потому к чужим заморочкам относились они весьма уважительно и не более.

Забрела однажды к ним в великий пост, на запах жареной картошки с мясом, одна очень набожная Лилькина институтская подружка. Долго она разглядывала самодельных куколок в домике, качала головой, а потом заявила, что на такой бесовский вертеп, их Антихрист надумил, поскольку таких куколок, только деревенские ведьмы делают, чтобы наводить порчу и гибель на людей. А, поскольку среди этих кукол есть и Юлькины с Лилькой образы, то они вдвойне идиотки и лучше куклы те сжечь.

Бывают же такие, ну просто форменные дуры! Может от того, что натрескалась на халяву скоромного в постный день ее и дальше грешить-хаять хозяев хлебосольных понесло? Это что, а еще у Лильки есть подруга, с виду вроде бы и не дура, даже художником по костюмам в кино работает, а втемяшилось ей в башку такая блажь, чтобы Юльку в сарафанчик с кружавчиками нарядить. Это Юльку-то, стопроцентную пацанку! И, главное, зудит ей вечно под ухо, что, мол, она Лильку с панталыку сбивает, и без нее у Лильки совсем другая жизнь была, и сама Юлька вся не правильная, ну эта, хоть кукол не бранит и на том спасибо.

А надо сказать, что у многих челночников, пока они там по Финляндиям и Польшам с Китаями тюки ворочают, ворюги хаты обносили, а у Юльки с Лилькой так нетронутой комната и оставалась. Может потому, что не обзаводились они навороченными видиками с брюликами, а проживали прибыльные деньги себе и людям в радость, и товар дома не держали. Приедут, на склады оптовикам, товар збагрят, билеты на новую дорогу возьмут, местного барахла из тамошнего дефициту накупят, чтобы не пустыми переться, у дворничихи, что ближе к вокзалу живет, да прибирает, за пару денежных бумажек оставят, и гуляют до следующей поездки. А вот Юлька-то считала, что куклы самопальные от лихих людей им комнату стерегут. Вроде и соседка алкашка, и сыночек у нее наркоман со стажем, а дверь в Юлькину комнату нетронута неделями остается и даже замок ни разу не ковырнули. Кто знает? Может и в этом есть какая-нибудь суть.

Дамы с собачкой

Когда папик Лилькиной бывшей однокурсницы персональную фирму замутил, и Лильку туда на работу с приличным окладом взяли – Юлька не только за подругу радовалась. Наконец-то они смогут позволить себе больше не ездить и забрать окончательно от Ирины собачку домой. А то ж все в разъездах, а без собачки очень тосковалось. Купили ей новый ошейник с поводком, привели домой, и стали вечерами уже не дома пиво с чипсами глушить, а в скверике выгуливая Трезорку.

И Трезорка свое дело знала. Всех приставучих мужиков обгавкивала, отгоняла, а прикуривающим от Юлькиной зажигалки дамочкам и девушкам виляла хвостиком.

Собачку Юлька завела уже давно и случайно. Вернее так вышло, что это собачка себе Юльку завела. И не мудрено. Предки Юлькины из народа Коми, без собаки свою жизнь вообще не представляли. Давным-давно, когда людей коми называли зырянами и вместо республики исправительных лагерей для воров, убийц и всяческой контры, не разделяющей мировоззрение политики партии и правительства с соседями, родственниками и коллегами по работе, стояли среди пармы (карельской тайги) хутора и села промысловых охотников, для которых понятие красть считалось бессмысленным. Самым большим грехом у них была трусость на охоте, а самой большой ценностью в хозяйстве – собака. Тогда люди, уходя по делам, подпирали дверь

избы поленом, чтобы хорьки и лисицы в доме не набедокурили. А от кого еще? Не от соседа же! Теперь в тех краях все иначе и по Сыктывкару, Ухте, Усинску и Воркуте бегают бездомные Кабыздохи с Трезорками, и не найдется такого простака, который не запрет на три замка двери, просто подперев их поленом.

Юлька, хоть и детдомовская, но кровь зырянскую никакое образование и воспитание не вытравят. Кровь охотника и звериного следопыта, который не стал бы палить, абы убить и освежевать. Быть зверю не убийцей, а равным соперником. Недаром песня про Найдю была одной из любимых. Впрочем, ее тогда многие пели.

*Ночь матерой волчицей свернулась в клубок,
но не спит, а скулит и бредит.
Где-то там, за лесами, в глухой степи,
на ее охотятся волка.
А она в ошейнике, на цепи
залегла в конуре собачьей.
И зовет хозяин Найдой ее,
он не знает, кто эта Найдю.*

*Королева просторов калмыцких степей
и гроза табунов сайгачьих.
Крошит зубы о звенья стальные цепи,
предвкушая хозяйское горло.
И уже за вожачкой пришла
и кружит за селом нашим стая.
Все собаки в округе поджали хвосты
и скребутся в хозяйские двери.*

*Брат мой, дома сиди, то не ветер в трубе,
это волки затеяли песню.
Пусть они этой ночью терзают овец,
Пусть насытятся алою кровью.
Нам бы ночь переждать.
Пусть они наконец уведут за собой нашу Найдю.*

К собакам ее тянуло сызмальства. Чувала она с ними какую-то древнюю связь. И собаки ее натуру чували за версту. Вот так, однажды вечером, после новогодних праздников, подбежала к ее ногам Трезорка, уткнулась носом в ботинки и дрожала, и скулила, пока Юлька не взяла ее на руки и не унесла домой.

В любой дворняжке можно обнаружить следы высокопородных предков. И у Трезорки замес фокса с французской болонкой и кокер-спаниелем выдал удивительно симпатичную мордашку, экстерьер средних габаритов, ласково-игривую натуру с охотничьим азартом.

Еще неизвестно, удалось бы Юльке убедить соседей дать разрешение на проживание Трезорки в их квартире, если бы та не выхватила за хвост из-за соседского холодильника огромную крысу и не придушила ее мгновенно у всех на виду. В результате чего, «собачья прописка» была одобрена единогласно. Дом старый, перекрытия деревянные, крысы еще по потолку не бегают, но все идет к тому, а тут такая крысоловка. Кто ж ей откажет?

Жизнь с собакой здорово отличается от жизни без нее. Во-первых ты больше гуляешь и гуляешь даже тогда, когда ни за что бы носу из дому не высунула. Во-вторых собака знакомит с хозяевами других собак и у тебя появляются друзья и даже может быть больше, чем друзья.

Ведь, если бы ни Трезорка – Лилька бы сто раз мимо Юльки прошла и на сто первом не зацепилась бы тоже.

А теперь они вместе Трезорку выгуливают, играют с ней в догонялки, мячик, бросают палочку. Не станут две взрослые дамы так сами по себе скакать и бегать, они ж не сумасшедшие. А дамы с собачкой такое себе могут позволить, поскольку это органично смотрится.

Вечерами, когда подруги решают «попинать балду» с попкорном и пивасиком, они врубают индийское кино с плясками, соплями и песнями. Тогда Трезорку от телевизора за уши не отодрать. Она мордой в экран уткнется, ушами прыдет, глазами водит и переживает очень.

Измена

По челночному бизнесу Юлька продолжала ездить теперь одна и не на долго. Ей одной уже не стремно – дорога протоптана.

В тот памятный год все у Юльки складывалось удачно. Возвращалась она из Германии с хорошим наваром, с кучей подарков для своей любимой и для ее родни, с новыми куколками, которых Юлька уже без наглядного примера, из головы сочинила, да и смастрячила. Вот размещает она этих куколок в Лилькин домик, Трезорка под ногами радостная крутится, а у Юльки на душе погано, муторно, не приведи Господь. Вертится в голове любимая песенка, непонятно зачем и почему, но вертится:

*Пока белеют питерские ночи,
пока стареет звонкий серп луны...
Давай друг другу голову морочить
не вспоминая, что кому должны.*

*В разгаре лето пряного шоля
вчерашнего, сегодняшнего дня.
Кого-то этой ночью обманули,
но каждый верит: «это не меня».*

*С такою верой прыгнув с парашюта,
с Невою побарахтавшись на ты,
мы дожили до нынешнего лета,
и что нам разведенные мосты.*

*Любовь моя, я так давно скучаю!
Давай, тесней прижмемся как-нибудь.
Но завтра, из России вдаль отчалив,
ты обо мне, пожалуйста, забудь.*

*Забудь, что я тебе сегодня пела,
сгорая от безумного огня...
Тем более, что песня устарела,
едва коснувшись будущего дня.*

Подумаешь, песенка на ум взбрела! Но мотивчик настораживал. И, вроде встретили ее радушно, и в постели они с любимой натешились, аж до полудня следующих суток... А как стали на тусовку, в ночной клуб собираться, так ее вовсе колбасить начало. Ну, прямо, плющит-тарашит, хоть удавись.

А Лилька-то Юльку на одиннадцать лет моложе, нельзя ее вечерами дома мариновать – сбежит. Она не кукла, ее в терем не запрешь. Значит расклад один: Если любишь – выгуливай! Вот и поперлись они сперва в «МОЛОКО», а потом в «ГРЕШНИКИ», а потом...

Подошел какой-то малознакомый пижон, протянул Юльке свою папироску, вроде бы как по-братски, ну она и затянулась пару-тройку раз, чтобы человека не обидеть. А чувак еще какую-то свою философскую базу под этот косяк стал подводить. Только Юлька философов терпеть не может. От них же государственные перевороты случаются, да религиозные секты всякие образуются. Она ему так и сказала:

– Какой, блин, смысл жизни? Коси и забивай.

А он ей тогда с другой стороны запел:

– Да у меня той травы дома, целая наволочка засушена. И с собой на всю кодлу хватит.

Я не дилер – я угощаю.

Кто смог бы сейчас объяснить: Чего не хватало двум любящим друг друга дурам? Зачем счастливым девчонкам, вместо того, чтобы радоваться ночам уединения, шляться по богемным пирушкам и демонстрировать свое счастье на пьяных презентациях бездарно выпендренных нонконформистских мазил с манерами панельных проституток? Где, когда и после какой по счету рюмки, и после какого по счету косяка, они подцепили этого современного дядьку? – Юлька уже вряд ли вспомнит. По всем своим повадкам, он смахивал на голубого. Вот почему, безо всяких опасений, они потащили его к себе домой, где и продолжали тусоваться с песнями и плясками.

Нельзя сказать, что Юлька перепила, поскольку не имеет привычки напиваться и, обычно, прекращает пить на автопилоте, как только начинает слегка хмелеть. Но тут она вырубилась – не помнит как.

А дальше, только крутится в башке, что бежит, высунув язык, вдоль нескончаемого забора...

Соображение же включилось, когда проснулась с жуткой головной болью на полу, на матрасике, в обнимку с дрожащей и поскуливающей Трезоркой, за шкафом, в своей коммунальной комнатенке и поняла, что ее Лилька там, с другой стороны шкафа, на их свежекупленном и очень даже уютном диванчике и не одна...

Вот тут-то Юлька и вспомнила его, того самого прилизанного крысеныша, постоянно шныряющего в курилке, у буфетной стойки, у дверей их макетной мастерской и неизменно сидящего ненароком, слегка, только краешком правого полужопия на мраморном подоконнике в кабинете начальника первого отдела. Она вспомнила его, но было поздно. Ей и в голову не могло прийти, что это серое существо, именуемое Веня Цыпин, в стенах других учреждений носило майорские погоны с ГэБэшной расцветкой двух тоненьких полосочек.

Тот, из-за кого ушла из жизни их главный инженер проекта Антонина Николаевна, кто растоптал судьбы самых лучших инженеров, сегодня скользким солитером вполз в Юлькину постель.

Если дым стелется по земле – вернись и выключи уют, если поднимается столбом – можешь не возвращаться. Кончилось счастье, рухнуло! И уже все равно по чьей вине. Разбитую чашку, как ни склеивай, а она все равно разбита.

А может если любовь закончилась – она и не начиналась? Сначала сбежала Трезорка. Не пропала, не потерялась, а просто конкретно сбежала в соседний двор, в коробку из под бананов. Юлькина кислая рожа ее достала. А Юлька даже обратно звать собаку не кинулась. Ушла? Ну и хрен с ней!

А в комнате завелась крыса. И первое, что она сделала, это пробралась в Лилькин картонный домик, нагло прогрызла в нем приличную дырку, расшвыряла там всю обстановку, вместе с Юлькиными куколками, и стала жить.

Ой, Лилька, Лилька! Что ты натворила? С каким гадом ты в койку залетела? Он же пидор голимый, из латентных мудаков, который миллион баб перетрахать готов, чтобы всему свету доказать обратное! И на каждом углу кричит: «Я мужчина!». Да, разве натуральный мужик будет так надрываться? И прицепился он к тебе неспроста, мозгами пораскинь, чего ему от тебя надо?

И не станет Юлька гонять крысу. Пусть живет, падлюка, раз ей приспичило. В доме зря крысы не заводятся.

В конечном итоге, ему, этому пидору из спецуры, приглянулась загородная квартира Лилькиной родни, которой он возжелал завладеть, во что бы то ни стало, для внедрения туда своей законной супруги, которую всем офицерам, не взирая на их личные предпочтения и склонности, полагается иметь, и выращивания своего потомства, которое уж у майора-то всяко должно быть. У ГэБэшного майора губа не дура. Шутка ли, квартира на Оранжевой улице города Пушкина! Это же дворцово-парковая зона! И он надрывался изо всех сил, трахая Юлькину возлюбленную, пока не получил обменный ордер. И Лилька, с мамой и бабушкой, оказалась в обшарпанной хрущобе на Пискаревке, с ревущими поездами под окнами.

Собутыльница

Предостережения, по поводу господина офицера, раздражали Лильку. Когда же предсказание сбылось, ей оставалось только возненавидеть Юльку, хотя бы за то, что «накаркала». Но деться, со своей ненавистью, Лильке было некуда, дома бабушке и матери в глаза смотреть неумоготу. Так что дубликаты ключей от Юлькиного жилища на Петроградке, с роскошным видом на Петропавловку из окон, и станцией метро под боком, по-прежнему оставались ее ключами. Живая прелесть самой Петроградки, с ее архитектурой и устоявшимися традициями, а не примитивные хрущобные пятиэтажки, в которых невозможно представить себя живущей в легендарном Питере, тянула Лильку в сей дом. Юлькино же присутствие в этом доме, рисовало на Лилькином лице чувство брезгливости и омерзения. Черная аура неприязни вытесняла Юльку из ее комнатенки, и вечернему досугу на диване, у телевизора, она предпочла коммунальную кухню.

Юлькина соседка по квартире, незамедлительно решила воспользоваться сложившейся ситуацией. Будучи одинокой дамой, страдающей запущенным алкоголизмом, на почве личного неустройства в быту, она испытывала весьма нездоровый интерес ко всем чужим индивидуальным жизням, и обладала богатейшим воображением, и могучей фантазией на тему секса, а тем паче нетрадиционного. Мамаша малолетнего торговца мелкорозничной анаши, в миру, являлась строгим главбухом СпецМашДорСтроя, расположенного во дворе дома художника Кустодиева, что на улице Введенской, ближе к Большой Пушкарской.

– Я знаю про тебя все – сказала она и, достав с Юлькиной полки стакан, плеснула ей из своей бутылки.

– Это моя жизнь! – привычно окрысилась Юлька.

– Думаешь, я не понимаю, что у вас там с Лилькой? – Приторно улыбнулась она...

Встать и уйти, показалось Юльке унижительным жестом. Она предпочла сидеть и с наглой улыбкой тянуть соседское пиво. Через пару часов, после седьмой бутылки (сачковать в подобных ситуациях Юлька навострилась), соседка, умываясь слезами, расписывала ей свою нелегкую жизнь.

Юлька рассеянно слушала, потягивая пиво и думая о своем. В голове вертелись строчки Роберта Бернса.

*Для пьянства есть такие поводы:
поминки, праздник, встреча, проводы,
крестины, свадьба и развод,
мороз, охота, Новый год,
выздоровление, новоселье,
печаль, раскаянье, веселье,
успех, награда, новый чин,
и просто... пьянство – без причин.*

А под строчки шотландского поэта стучалась навязчивая совесть. Она стучалась, кричала и зудела: «Юля! Кончай пить!»

Этот банкет на коммунальной кухне повторялся буквально через день, на протяжении недели. Ничего нового из соседских постоянных рассказов более не вытекало. И вот, однажды, во время очередного просмотра одного и того же фотоальбома, в котором самым старым фотографам не было и семнадцати лет – Юлька молча встала, и ушла спать. На следующий вечер Юлька закрылась в своей комнате и не вышла. Еще через вечер, когда соседка ворвалась в опрометчиво незапертую дверь, Юлька выставила ее вон.

– Ах так? – закричала соседка. – Ну и засрись! – и сорвала с туалета картинку с писающим мальчиком, которую еще так недавно любовно приколачивала, оказывается для Юльки. – И живи теперь в сарае! – твердила она, утаскивая, наконец из кухни вечно орущий приемник и сколупывая со стен плакаты грудастых телок.

Началась жестокая коммунальная война с отключением газовой колонки, когда Юлька принимает ванну, гашением света в сортире в момент ее там заседания и объявлением, что здесь такая не живет всем звонящим в Юлькину дверь и по квартирному телефону.

Хронически уторченный, от непрерывного потребления анаши, соседский недоросль, по дворовой кличке Жаба, снова попал в мамкино поле зрения. Лишенная внимательного слушателя ее околесицы, она набросилась на свое чадо с педагогической любовью, подключив, заодно, его и всех захожих покупателей-наркоманов на непримиримую борьбу с Юлькой. В коридоре ее подлавливали недотыкамки-подростки так, что еле успевала уворачиваться и отбиваться. За стеной круглые сутки грохотала техно-музыка. Из-под дверей в Юлькину комнату струился едкий дым, от которого голова шла кругом, и очень тянуло сигануть в окошко, с четвертого этажа, на заманчиво блестящие трамвайные рельсы.

Когда везение отворачивается, зубы ломаются даже от творога. Так Юльке и надо! Кто виноват? Ездил бы себе в Финляндию и обратно, крутила бы свой товар, стругала бы денюшку... Еще бы чуток и на отдельную квартиру накопила. Нет, надо тебе в Питере сидеть, заработанное просерать, караулить, чтобы Лилька кого в твою хату на перепихнин не привела. От и сигай, кувыркайся теперь из окошка, да под трамвай. Только в наше-то время этот трамвай так редко ходит, что ты своей смертушки не дождешься.

Драка

Нарезает Юлька по району круги – домой ноги не идут. А навстречу ей подруга детства и юности Анютка-Нюрка со своим супругом Николаем.

– Привет!

– Привет!

– Давно не виделись! Идем к нам пиво пить.

А чего бы не пойти? И пошла. У Нюрки с Николаем своя фирма процветает. Они процесс так наладили, что все на мази само фурычит, работники работают, а они гуляют и вече-

рами пиво пьют. Умные люди. Юлька так не умеет. Не умеет и не любит другими командовать. Нет у ней командирских задатков и организаторских способностей. Вечерами пиво пить она, конечно, тоже не против, но вот весь день просто гулять никакого терпения не хватает, обязательно руки зачешутся и тоска нападёт. Может потому-то Анютка с Николаем на крепленое пиво налягают и перекурком с травкой частят, что на таком пиве и простых цыгарках тоска не скоро глушится? Вот под крепленое-то пиво с креветками и сервелатом, слово за слово и у Нюрки с Николаем на ровном месте спор вышел нешуточный, дело до драки дошло. А Юльку на том пиве наоборот добродушие нечеловеческое обуяло и она, в неутолимой жажде супругов помирить, встряла промеж ними.

– Юлька! Ты мне подруга или где?

– Подруга!

– А раз подруга, так тресни Кольку по башке!

– Юлька, ты Нюрку не слушай! Сама знаешь, как я ее люблю. Давай лучше помоги мне ее скрутить и спать уложить.

– Юлька, если ты сейчас будешь за Кольку, то ты мне больше не подруга! Я сама тебя тресну так, что ты...

Как долго они там препирались неизвестно, известно только, что дело кончилось дракой, при которой Юлька зачем-то выпрыгнула из окна четвертого этажа.

И скрутила Юльку нестерпимая боль, да так, что она только и видела, как опять бежит вдоль забора, высунув язык из разинутой пасти...

Традиционный кошмарный сон продолжался довольно долго. Когда боль, наконец отпустила, и стало невероятно легко, Юлька вздохнула глубоко и свободно. И не вздохнула, не выдохнула. Почему-то этого больше не потребовалось. Ощущение безумной жажды летать. И она полетела.

От хрен вам, чай не птица! Натянутый провод трамвайной линии затормозил полет, но физического столкновения с ним не произошло. Может Юлька умерла? Внизу, на рельсах,

очень некрасиво скрючившись, лежали ее останки, испражня остатками экскрементов. Как она там оказалась? Вроде бы только что с Наташкой и ее мужем пиво пили.

Короче, лежит Юлька на трамвайных путях вся никакая, не моргая, в вечернее небо тарашится. Отвратительная действительность, которую Юлька, как-то не предусмотрела, уходя из этой жизни. Надо ж было так на чужом косяке задрыгаться! Честно говоря, Юлька не собиралась умирать, а посему совершенно не была готова. Скоро придет домой с работы Лилька. А у нее слабое сердце, она и так постоянно не в духе, а тут еще Юлька Икаром недолетным букву зю посреди дороги изображает. Надо бы как-то попробовать вернуться. Но эта жуткая боль с таким свистом вышибла Юльку из собственной тушки. что она совершенно не заметила, откуда вылетела. И как ей теперь обратно?

НЕБЫТИЕ

Воскрешение

Все оказалось очень просто. Достаточно сесть себе на нос. Попробовала поморгать глазами – моргают. Встала. Какая гадость это воскрешение! Понятно, почему младенцы, при рождении, так отчаянно плачут. Они ж тоже в нечистотах рождаются. Только их заботливо обмывают, а тут все самой. Вот так сразу вставай и...

И все из-за того, что не научилась Юлька заранее на хрен посылать, для профилактики, чтобы ситуации не усугублялись. Не научилась чужим спиногрызам уши крутить, да по сопатке кровящую пускать. Не научилась в драку промеж друзей не встревать.

Вот и ползи теперь домой, растирая собственные испражнения промеж ног по трусам. Слава Богу, прохожие в это время либо пьяные, либо уторченные, либо углубленные в себя, либо вовсе не в себе. Город большой, шумный, никому ни до кого дела нет. Юлькино выпадение из окна, вроде бы, никого и не заинтересовало, а воскрешение и тем паче. Да хорошо еще, что не все чувства в теле после смерти и воскрешения восстановились. Напрочь пропало обоняние и осязание. Юлька перестала не только испытывать боль, но руки ее не ощущали ничего. Ноги не чувствовали поверхности, по которой она ступала. Приходилось очень внимательно следить за каждым собственным движением. С трудом, но без малейшего мышечного напряжения, Юлька открыла парадную дверь и вскарабкалась по лестнице. Ключи, слава Богу, из кармана, при полете, не выпали. Буквально через час Юлькина одежда была выстирана и тело выкупано. Зато не понадобилось включать водогрей. Юлька знала, что вода ледяная, но холод ее больше не беспокоил, а сварить свое тело в кипятке она теперь могла запросто. К тому же стирать кровящую и дерьмо лучше хозяйственным мылом и в холодной воде.

А одна моя хорошая, даже прямо очень хорошая знакомая, Наташка Романова, с которой я до сих пор по вечерам коньячком душу грею, которая еще может кучу мужей поменяет, а подружкой моей закадычной останется навсегда, сказала, что нынче истории без «мяса» не катят. Ну, вот, вроде оно самое «мясо-то» и началось, стало быть эта история из меня, как была, так и поперла. История выживания души из человеческой плоти, история выживания человека среди особей с калькулятором вместо души и совести. Раз уж время такого выживания наступило, то пусть оно само так и идет.

Пришла Лилька, как всегда, в последнее время, мрачная. И Юлька, конечно, понадеялась, что может быть та и не заметит ее нынешнего состояния, при котором она, как бы не совсем в себе. Правда, один раз, с непривычки, Юлька опрокинула стул и разбила стакан, и осколком поранила палец.

От упавшего стула Лилька поморщилась, от разбитого стакана гневно зыркнула в Юлькину сторону. Юлька бросилась собирать осколки.

– Осторожно, руки! – Крикнула Лилька и, подбежав схватила Юльку за запястье. Из большого пальца торчал полутора-сантиметровый конец глубоко засевшего осколка, который без труда вынули, но кровь, вопреки всем правилам, не закапала и даже не выступила. А когда сели ужинать, у Юльки не то, чтобы не было аппетита, просто испытывать свое реанимированное естество, в присутствии любимой подружки она не рискнула. К тому же, чувство голода, видимо, тоже пропало.

Вот, таким образом, Юлька и «живет», если теперь это слово подходит к той, у которой не бьется сердце, не потеют подмышки, которая больше не пользуется сортиром, а только подолгу стоит под холодным душем. Зато сердце не болит. Ну. не то, чтобы не болит, а его, как бы нет. И Юлька перестала дышать. Она не сразу это заметила но, однажды, поднимаясь

пешедралом по эскалатору метрополитена, обнаружила, что совсем не задыхается, вот тогда-то она и поняла, что не дышит вовсе.

А, ведь, это не правильно! Все животные, в том числе и человек, дышат, поглощая из окружающей среды кислород и выделяя в нее углекислый газ. Поскольку, кислород необходим для окисления органических веществ. Именно освобождающаяся при этом энергия, расходуется на все процессы жизнедеятельности. Может Юлька была нерадивой школьницей и чего-то пропустила на уроках, не прочитав ни разу про другую вероятность существования живого организма? Ведь, если сердце не работает, значит, оно не толкает кровь по жилам, и все клетки Юлькиного тела не снабжаются постоянным источником энергии. Как же она живет? Обнаружились еще несколько утраченных чувств, отсутствие которых можно было бы только приветствовать, если бы не приходилось постоянно следить за собой, за каждым членом своего тела. Значит, утрачены основные свойства нервной ткани – возбудимость и проводимость. Юлька больше ничего ни ест. Оказывается это совсем не обязательно. Достаточно смачивать глотку водой и, время от времени, прикасаться пальцами к оголенным контактам, не до конца вставленной в розетку вилки какого-нибудь электроприбора. Она больше не спит и не хочет спать. Просто ложится одновременно с Лилькой и тихо ждет, когда та крепко заснет.

Жизнь не кино и ужастики в ней, конечно, могут случаться и по круче, но такие...

А Юльке с этим надо как-то жить, но как?

Так вот она, доля мытаря, слоняться по ночному городу изнывая от тоски.

За смертью

У Биржевого моста Юльку нагнал автомобиль с четырьмя оловянноглазыми «спортсменами». Пригласили с ними покататься.

Юлька уже не верила в благополучное выздоровление и, как раз брела искать окончательную смерть вне дома. И, дабы не заморачивать Лильку похоронными процедурами, решено было загнуться так, чтобы в морге не опознали.

«А почему бы и нет?» – сказала Юлька и села в машину. От ее голоса мальчишки притихли. Юлька сама теперь балдела от собственного голоса. Он у нее и раньше-то был ничего, а теперь густое грудное контральто с резонирующим оттенком, как будто из динамика качественной голосовой аппаратуры.

– Давайте ка ребята к Исаакию повернем – там хороший индийский ресторанчик.

– Ты, подруга, сиди, и нам карты не путай, у нас свои дела.

– А зачем тогда в тачку пригласили?

– А то ты не знаешь зачем? Сиди, пока сидишь, и помалкивай. В чужую машину со своей кассетой не садятся. У нас тут своя музыка.

Юлька, хоть и соображала, что ее невинная прогулка по ночному Питеру должна была бы закончиться не счастливой развязочкой, а для таких, как они, одноклеточных качков, ее променада под фонарями может означать исключительно промысловый выход на панель и не более того. Она конкретно попала в традиционно мерзкую ситуацию, из которой возможны только два выхода: Или смирно и тупо перетерпеть, чтобы потом всю жизнь, вспоминая этот кошмар, загодя ненавидеть все мужское население планеты, или отбиваться до тех пор, пока тебе не вышибут мозги, и ты больше никогда не вспомнишь этот кошмар, а может и саму себя лично тоже не вспомнишь. А может тебя растерзанную догрызут на ближайшей помойке бродячие собаки. Но лучше всего вызвать к себе отвращение, чтобы, так и не наигравшись, отметилили до смерти. А там уж пусть и собаки...

– Конечно, конечно! Какие могут быть возражения? На чьей подводе едут, того и песни поют. Ну, я то, может, и знаю зачем в вашей тачке сижу, а вот ты, шелудивый, похоже уже подцепил. С конца у тебя закапает завтра утром. Я-то что, я «нержавейка», с меня, как с гуся

вода. А вот то, что пропустив мою шкуру по кругу, ты наградишь весь свой экипаж гнусявой заразой, это правда.

Машина завизжала на тормозах, крутанулась на скользкой дороге и встала. Юлькин разъяренный оппонент выскочил, как ошпаренный, обежав автомобиль сзади, распахнул дверцу, и остервенело выволок Юльку в сугроб. Будет бить. Юлька в этом не сомневалась и особо ни на что хорошее не надеялась. Только знала – боль для нее не существует. Но какие возникнут повреждения?..

От первого удара ботинком в живот, проснулась древняя лютая сучья ненависть и обида за весь бабский род. Падая, Юлька изо всех сил ухватила парня за ногу и крутанула ее. Силы-то оказались не малые. Юлька даже и не догадывалась, на что нынче стала способна. Нога у парня как-то хрустнула, тот рухнул, скрючился и завыл. Из машины больше никто не вышел. Она развернулась и газанула в ночь, выпустив Юльке в спину автоматную очередь. Конкретные пули изрешетили Юльку, застряв где-то в легких, сердце и печени. А она встала, как ни в чем ни бывало, попинала еще чуток своего обидчика и пошла дальше, мурлыча под нос песенку любимой, но уже стареющей певицы:

*Вольные крылья мои
склеились там, за спиной.
Жжет под лопаткой, болит —
я не с тобой, не с тобой,*

*город восставший от сна,
город прозревших детей.
Оздоровления знак
отзвук тревожных вестей.*

*В небе душа, высоко.
Тело прибито к земле.
Боль по хребту тесаком —
красные угли в золе.*

*Боль моя, шальный звонарь,
в колокол бешено бьет.
Старой гитары струна
вторит, гудит, не дает*

*музыку нашу забыть,
вольную музыку слов.
Не улететь, ни уплыть,
плоть прошибает озноб.*

*Я же живая еще!
Я же могу с вами спеть!
Годы, морщины не в счет,
только бы снова взлететь.*

*Утро уже впереди,
скоро закончится ночь.
Как бы не сбиться с пути,*

*бреда вранье перевозмочь,
в город вернуться родной,
чтобы дойти до конца
и грозовую весной
смыть злую порчу с лица.*

А действительно! Может это просто какая-то злая порча, такая злая, что ее даже смерть не берет? Да, смерти на этот раз не случилось. Зато Юлька вспомнила про одну славную медсестричку, которой она могла бы доверить на просмотр свою неумирающую плоть.

Ее звали Маринка и она жила на Большой Зеленина Петроградской Стороны. С похотливыми «ёжиками» Юлька заехала на стрелку Васильевского Острова, но можно прогуляться и обратно на Петроградку. Тем более, что гулять придется до утра. Не будить же человека среди ночи.

Юлька решила побродить по Васильевскому. На 4 линии грабили ночной ларек. Один спортсмен продавщицу за волосы до плеч вытащил из окошка и, заткнув рот ее же шапкой, тихо уговаривал не рыпаться. А другой, взломав дверь, вытаскивал товар и аккуратненько загружал его в близстоящую «копейку».

Юлька подошла тихонько и как рявкнет: «Ну, шо? Работаим?» От неожиданности продавщицу из рук выпустили, от чего она истошно заорала, а тот, который тачку загружал, выронил коробку, выхватил из багажника монтировку и по всем правилам фехтования к Юльке подскочил. Юлька руками за его монтировку хватать и давай вертеть вокруг себя. Эти не стреляли. Так все побросали, в тачку заскочили и отъехали. Их уже и след простыл, а Юлька из бешеного фуэте никак выйти не может. Продавщица воет, Юлька крутится – кино, да и только.

– Отключай, красотка, сирену. Сейчас менты заявятся.

– Ой, спасибо тебе. Они, хоть кассу тронуть не успели. Да никакие менты больше сюда не заявятся. Ты ж их сама и спугнула.

– Ты хочешь сказать, что это были...

– ОМОН подхалтуривает. Хозяйка «крыше» вовремя не доплатила.

– Много взяли?

– Пару блоков дешевых сигарет, да пять упаковок баночного пива. Отобьем, сигареты всяко левые, а пиво... Слушай, возьми, хоть пару банок, и сигарет блок. Ведь, если б не ты...

– Не, пива не хочу, курица тоже не надо, а вот мне утром на прием к медичке идти, так шоколадку возьму.

Наконец и утро забрезжило, вот и Маринкино окошко засветилось – можно и наведаться, надо только из телефонного автомата звякнуть, чтобы девушку врасплох не застать. Позвонила:

– Марин, привет, этоя, Юлька.

– Привет, горюшко моё, ты далеко?

– Я на Васильевском, от тебя почти рядом.

– Мне через два часа на смену. Успеешь заскочить?

– Лечу!

Маришкина резолюция была неумолима:

– Ты, по всем признакам, ходячий труп и такое не лечится. Очень странно, что ты до сих пор не оконечела. А что пули в спине, так их лучше и не ковырять вовсе. И так замедленное разложение идет.

То, что Юлька давно уже не в себе, она и без Маринкиных умозаключений догадывалась. Ей бы кто научно-практическую базу под это подвел.

– Мариша! Ты, что ли уже с такими случаями сталкивалась. Или где в медицинском справочнике вычитала?

– Нет, ужасиков на ночь насмотрелась!.. Ты не заметила, что у тебя сердце не бьется, и ты не дышишь? А что кровью от ран не истекаешь?..

– И что теперь?

– Как тебя угораздило после гибели встать?

– Просто, залетела обратно и встала...

– И что же ты думаешь, что в такой дохлятине можно и дальше жить?

– Но, ведь, живу же!

– Да, но уже воняешь и не потовыделением, как все живые, а сладковатым трупным духом.

– Марин, что делать? Мне не помирается, и не охота.

– Другую шкуру, более свежую, искать. Будь на связи, звони – подберем чего-нибудь.

Мытарь

Юлька догадывалась, что Марина циник, как большинство медиков, но не до такой же степени. Другая бы, хоть расплакалась над бедной Юлькой, а эта даже не вздохнула. Вот, что значит бандитско-перестроечная практика за плечами.

Особую тоску на Юльку нагоняли ночи, ибо ей совсем не спалось. Это в сказках трупы ходячие спят днем, а ночью бродят. Юлька не спала ни днем, ни ночью. Может потому, что она не была вампиром? Во всяком случае ее на кровушку не тянуло, как, впрочем, и на другие продукты. Так вот, днем-то все не спят, и ладно. А вот ночью, когда все спят, что делать? Мысли всяческие ей голову так и свербили. Вспомнилось Иркино гадание, прямо слово в слово:

– И жилец ты, и не жилец... А все через свою любовь и через собственное колдовство, которым ты сама и управлять-то не способна. Не будет тебе ни жизни, ни смерти, и станешь ты мытариться долго-долго, пока не встретишь маленькую девочку с золотыми глазами, пока не подбежит к тебе эта девочка на своих тоненьких, еще не окрепших ножках, не обхватит тебя за шею, и не шепнет тебе в самую твою потерявшуюся душу одно только слово ЛЮБЛЮ.

Где эту девочку теперь искать? И решила, как-то ночью Юлька к Ирине сходить. Давненько они не виделись. Там, поди, уж и дети повзростали.

На звонок дверь открыла, здорово постаревшая, подруга и, окинув Юльку проницательными зелеными глазами, вытолкнула за дверь, выйдя вместе с ней из квартиры.

– Привет, Ир, твое предсказание сбылось, я мытарь.

– Вижу, не слепая. В дом ко мне больше не заходи, у меня дети, нельзя тебе к детям.

– Это все, что ты можешь еще мне сказать?

– Я молиться за тебя буду, но ты ко мне больше не приходи.

Когда захлопнулась дверь, в которую Юлька могла не стучаться годами, твердо зная, что здесь ей всегда рады, Юлька пошла, в тоске, не глядя куда несли ее отчужденную плоть, все еще непонятно как передвигающиеся ноги.

Нынче американский постапокалиптический телесериал, затеянный Фрэнком Дарабонтом, по комиксам Роберта Киркмана, Тони Муромы и Чарли Адлардома, про Ходячих Мертвецов только ленивый не посмотрел, а тогда у нас еще мало кто вообще чего в комиксах сообщал. Пока Юлька на тех уродов совершенно не была похожа, но все шло к тому. Хорошо, что глубокая осень наступила и зима не за горами. Юлька старается не завонять, однако от последних мух не избавиться и вот-вот черви заведутся. Домой больше возвращаться нельзя – паровое отопление включили, а её шкуре это только во вред. Поселилась на старом Смоленском кладбище, в полуразрушенном склепе. Ей теперь особо-то много не надо. Не спит, ни ест, помыться и в речке Смоленке можно. Главное не забывать электротокотом себя подбадривать. Так она и эту проблему решила, от фонарного столба перекидку с розеткой сварганила прямо

в склеп. Это живого человека током убить может, Юлька ж теперь не заземленная. А так ничего себе. Днем книжки читает, ночью по городу гуляет. Книжек нынче на помойках полно, они нынче сразу всем без надобности оказались.

Прогулки и на Смоленском кладбище, раскрывают секреты, которые живому недоступны из-за смертной суетливости его. Юлька же здесь не одна такая. Кладбище старое, многие могилы разрушены, вот и плутают души среди надгробий, склепов и памятников. И в склеп, где Юлька обосновалась тоже нередко заглядывают. Человеческая натура общительная. Людям и после смерти поболтать охота. О чем болтать? – о мирском, о грустном, о том, как бесчинствуют потомки не щадя памяти предков. Особенно омерзительны эти тайные ночные перезахоронения, которыми грехи все равно не упрятать. Начались эти бесчинства давно. Когда в 1796 году император Павел I получил титул магистра Мальтийского ордена. Он жаловал ордену городские земли, часть которых те использовали для церкви и кладбища. Его сын Александр I, получил корону в 1801 году, свергнув отца. А всем известно – царь, взошедший на трон благодаря заговору, вершит дела наперекор предшественнику. Вот так Мальтийский орден попал в опалу. Их земли конфисковали, а останки кавалеров ордена, в 1807 году, перенесли на Смоленское кладбище. Перезахоронение вершили тайно ночью.

На этом злоключения останков опальных рыцарей не закончились. Мы же помним по Пушкинской поэме «Медный Всадник», что в 1824 году, в Петербурге случилось страшное наводнение. Тогда бурные воды снесли не только домишко вдовы и ее дочери Параша – любимой девушки несчастного Евгения, живущих у взморья. И Смоленское кладбище, расположенное на Васильевском острове, пострадало. Кресты и надгробья смыты, могилы занесло землей, и больше никто не смог отыскать захоронений предков. Церковные книги с записями имен погребенных после наводнения пропали.

С той поры и бродят их души в поисках последнего пристанища.

А еще есть такие души, что вроде бы и пристанище их на месте, потомками обновленное и приукрашенное, а и тут нет им покоя. Нет продыху Блаженной Ксении, ей с любимым супругом Андреем Федоровичем словом перекинуться некогда. Одолели просьбами своими суетливыми все, кому ни лень. Не хотят понять, что покуда не покаются за страшные изуверства дедов и прадедов, не будет ни им, ни их детям, ни их внукам справедливой жизни. Сколько бы они к часовне свечек ни ставили, сколько бы ни молились, ни кланялись, а без покаяния за грехи отцов наших, нет нам пути.

Разве не наши предки жгли иконы, разоряли церкви и монастыри, убивали священников и монахов? Одним из безмолвных свидетелей этих преступлений была как раз часовня Ксении Блаженной.

Глухой осенью конца двадцатых годов прошлого столетия, на рассвете к черному входу Смоленского кладбища, со стороны Малого проспекта подъехали две крытые машины – черные воронки. Открылась дверца, и на землю стали спрыгивать люди с винтовками. Из второй машины, выпустили еще четырех солдат – внутреннюю охрану.

Потом на землю стали спускаться люди, в черной длиннополой одежде. Их окружили конвоиры с примкнутыми штыками.

– Далеко ведешь нас, антихрист? – спросил у старшины высокий старик.

– На божий суд, папаша, – заржал конвоир.

– Не богохульствуй, – ответил ему старик. И уже громче, чтоб слышали все. – Братья, мы начинаем путь, ради которого Господь сотворил нас. Помолимся, братья!

И скорбная процессия в окружении конвоиров, двинулась в сторону часовни Ксении Блаженной. Из репродуктора прозвучал Интернационал, и грянул залп. Потом еще какое-то время раздавались крики добиваемых людей.

После расстрела траншея, где стонали еще живые и раненые, была засыпана мерзлой землей. Охрану с кладбища не снимали еще долго, покуда шевелилась земля на святой могиле Сорока мучеников.

Вот так убили Веру Христову. А те толстопузы, которые нынче кадилами машут, «освящая» за мзду офисы, банки, магазины, космические ракеты, и всяческие орудия убийства, они всего лишь убогая бутафория. Таким и сигаретами торговать не запахло. А нам других и не надо. Мы ж все равно не верим – так, со свечками у алтаря попозировем, фотки на своих страницах в соцсетях развесим и ладно.

Только долетают до нас какие-то странные песни. Мы их подпеваем сквозь слезы, плохо понимая о чем поем.

*То ли снилось, то ли мнилось,
то ли грезилось.
В небе зарево клонилось,
али занялось.
Полуголая стояла я на паперти.
Вносили чью-то голову на скатерти.
Прицерковные могилы, между ними ров.
С белой скатерти рубинами катилась кровь.
Вереницею монахи вслед за головой.
То ли пенье в погребенье, то ли просто вой.
Я за ними, спотыкаясь о кирпичики.
Не пускают, бьют прикладами опричники.
А потом кресты, как буд-то содрогнулись
и монахи с погребенья не вернулись.
То ли снилось, то ли мнилось,
то ли грезилось.
В небе зарево клонилось,
али занялось.
Еженощно, до седьмого воскресения
мне шептала, причитала чтой-то Ксения.
По невинно убиенным бьют колокола?
А над речкою Смоленкой снова ночь бела.*

Вот и Юлька эту песню теперь вспомнила. Ходит и поет. Но, если не по Смоленскому кладбищу, то еще гуляется Юльке по ночам ближе к родной Петроградке, особенно вокруг своего дома любит круги нарезать. И выходит, что не зря. Вот гуляет значит она, и видит, что под кустами Провиантского сквера тетка какая-то валяется. Глядь, а то ее в дупель пьяная соседка до дому не дошла. Пригляделась, а у ней голова в крови и сумки рядом не обнаружено. Однако дышит, стерва. Что там думать, ждать, когда Маринке в больнице бесхозная туша подвернется, если можно такой фокус с соседкой повернуть? Ну и грохнулась Юлька о землю, душа из ее вонючего естества, прямо как пробка из бутылки вон. Покачалась на ветках и гражданке Тимохиной прямо в левую ноздрю и нырнула. Встала, отряхнулась, по-вытаскивала из карманов своего протухшего трупа ключи и прочие необходимые принадлежности и потопала напрямиком в законную коммуналку, по месту прописки, утираясь от кровищи рукавом.

Мать наркодилера

Как же здорово снова ощущать запахи, осязая под ногами землю! Вот только голова трещит.

А ведь кто-то эту гражданку Тимохину по голове-то стукнул. Она, конечно, баба вредная, могла и сама напроситься, но не исключено, что просто на гоп-стоп налетела. Если на гоп-стоп, то она, по стержневой натуре своей, наверняка сопротивление оказала, за что ее таким образом и вырубил. Впрочем, чего рассуждать, Юлька? Домой вернуться ты готова, а стать матерью от замороженного на всю голову уличного наркодилера Жабы готова? И у Юльки, пока она топала домой созрел коварный план.

Первым делом она вызвала скорую и полицию. Те приехали почти одновременно.

– Что случилось?

– На меня напали и ограбили.

– Вы знаете кто?

– Конечно! Родной сын!

– Как это произошло?

– Не помню, голова болит.

– Голова болит, не помните, но уверены, что это ваш сын?

– Прикиньте, старлей, вот это и обиднее всего! Вырастила буквально на свою голову.

А в комнате Жабы в это время во всю гремела техно-музыка и дым стоял коромыслом.

– Ишь, как празднует, гаденыш! Родную мать ограбил и празднует!

– Тише, тише, вам нельзя волноваться. Господа правоохранители, мы ее в травматологию госпитализируем, надо обследовать.

– Далеко?

– Нет, рядом, здесь, на Пионерской.

– Слышите, гражданка Тимохина, вас госпитализируют, возьмите паспорт.

– Так меня ж ограбили! Вот у грабителя и спросите!

А Жаба в своей комнате отнюдь не гулял. Он с друзьями трудился в поте лица. Музыка врубил, чтобы не уснуть от утомительной работы. Жаба в это время вновь прибывший товар фасовал. Товар новый, но у наркоконтроля уже засвеченный – гадость редкостная. Производная (в первых образцах от N метилэфидрон). Действие наркологическое между метамфетаминовой группой и коксом. Короче, глючит долго и не по-детски, привыкание очень быстрое, интоксикация сумасшедшая. Формулу суки постоянно меняют, экспресс тесты не всегда могут определить (быстрое устаревание). Поймать таких ребят на горячем удача просто невероятная. Конечно они их всех свинтили и на разработку увезли.

Лежит Юлька в личине Тимохиной на больничной койке в таком месте, куда со всего Питера недобитых пьяными мужьями или собутыльниками баб свозят. Лежит, не ропщет. На расспросы или «не помню», или «болит – не болит» талдычит. Лежит и думает, как ей дальше быть. Сначала один следователь зашел:

– Вы вспомнили при каких обстоятельствах было совершено на вас нападение?

– Я ничего не помню. У меня голова идет кругом и гудит.

Потом зашел тот, кто Жабу «разрабатывает».

– Вы знаете, где у вас в квартире тайники-закладки? Мы все обыскали и не нашли.

– Я, хоть и стукнутая, но в том, что мой сынуля не дурак и дома эту гадость впрок не держит, уверена. Ищите или у его друзей, или вообще на нейтральной территории.

А тут и коллеги со СпецМашДорСтроя подоспели, отыскали.

– Ой, Раиса Юрьевна! Какой ужас! Что теперь будет!

- Ничего особенного, кроме того, что придется меня уволить.
- Да, что вы такое говорите? Как уволить? За что уволить? Вы же у нас незаменимый работник!
- У вашего незаменимого работника дырка в голове – я ничего не помню и никого не помню. Вот вас, например, совершенно не помню.
- Не шутите так! Отдохните, подлечитесь и все вспомните. Вам в таком гадюшнике не пристало лежать. Мы добьемся перевода вас в более приличное место.

Бухгалтер

У Юльки, хоть и не экономическое образование, но она понимала: если ее соседке было на что коньяк ящиками проглатывать и шубы с брюликами покупать, значит она, безусловно, в своей конторе состояла в доле, а не на одну бухгалтерскую зарплату жила. Новый Санкт-Петербург строился, застраивался и перестраивался. Деньги на откатах гребли нешуточные.

Проследить отношения строителей и организаторов конкурсов возможно на протяжении всей истории современной России. Так уж у нас повелось, что алтынного вора вешают, а полтинного – чествуют. В девяностые годы Черномырдин и Вяхирев. С приходом следующего президента – Ротенберги. Придет другой – поставит своих. И в Питере так же. Была Матвиенко – одни компании, пришел Полтавченко появились другие.

Если она так повязана с этим бизнесом и в доле, то нужны очень веские аргументы, чтобы соскочить безвозмездно. Одно было непонятно – почему крутая тетка жила в коммуналке, а не обзавелась отдельной квартирой?

Впрочем, и это разъяснилось в скором времени. Соорудила себе дамочка не квартиру, а дом в Юкках, в благоустроенном коттеджном посёлке комфорт-класса во Всеволожском районе, на самой границе с Санкт-Петербургом, неподалеку от станции метро «Озерки». Въехать должна была уже давно. Но ей там не жилось – одной в пяти комнатах на двух этажах тоска зеленая, не сынулю же от замороженного туда тащить, чтобы он своей дурью весь дом закоптил. А тут и от работы три шага, и повоевать есть с кем. Выйдет, бывало, на кухню, залудит стакан коньяка, гаркнет от души, и всех соседей, как ветром сдует. Тут она человеком себя чувствует.

Неспокойно Юлке в больнице. Больница, конечно, не тюрьма, только в зимнюю пору в больничном халате домой не уйдешь. А уйти надо. Надо уйти сначала домой, там собраться и валить куда подальше. Может и в том коттедже перекаптоваться, а лучше вообще валить из города. Ей же ничего кроме оболочки от Райки Тимохиной не нужно! Какой из Юльки бухгалтер? А тут еще с ее работы дядька нарисовался:

– Раечка, вы только не паникуйте, память обязательно вернется. Я вам компьютер с работы приволоку, вы пару дней посидите и все вспомните. Вы же у нас мастер, а мастерство не пропьешь!

– А кто банковские документы подписывает?

– Вы.

– А я сама свою подпись не помню!

Но они все равно не отстали. Пригнали машину, перевезли ее в тот самый коттедж, установили компьютер, забили холодильник всяческой снедью и обещали навещать ежедневно.

Ну что, Юлька, принимай Раискину судьбу со всеми вытекающими!

Судьба не бухгалтерия, хоть и похожа. Бухгалтерия строится на плане счетов. План счетов, всего лишь список, в котором содержатся счета бухгалтерского учета. Настоящий бухгалтер не кладет выручку за бюстгальтер. Она конечно финансовую судьбу фирмы просчитать может. Но вот судьба человека, как ее ни планируй, списки составляй, а она совершенно не предсказуема. Юлька, за период своей челночной практики, усвоила – самое надежное сбережение финансов, это вложение их в товар. Товар должен быть ходовым и не скоропор-

тящимся. СпецМашДорСтрой не пиццерия и не макаронная фабрика, эта контора целиком от строительных подрядов зависит. Есть подряд, техника не простаивает, деньги поступают, расходы окупаются и прибыль гарантирована. Нет подряда – все встало, деньги не поступают, а расходы не остановить, расходы все равно имеются, поскольку содержание техники и персонала расходов требуют. Значит кто в этой конторе важнее всех? Правильно, подрядчик. Не директор, ни его зам, ни главный инженер, а подрядчик! И тут надо снова вспомнить о коррупции на государственном уровне и о тех самых пресловутых откатах. Раиска в мутной воде свою рыбку могла ловить только при условии, что у ней все схвачено, за все заплачено. С кем она дружила, кого остерегалась, на чем крутилась, кому и сколько должна была, а кто у нее в должниках? Компьютер запаролен, Юлька не хакер. И кто знает, может голову Раиске проломил не по пьяной лавочке, ни при гоп-стопе, а в рабочем порядке? Какой же у этого компа пароль? Думай, Юлька, думай Раискиной головой. Ты в эту голову залетела, ты пользуешься ее руками, ногами, желудком, всеми органами, может пора и ее мозги использовать? Ведь у человека насчитывается более ста миллиардов нейронов. Основная функция которых, получение, переработка, проведение и передача информации, закодированной в виде электрических или химических сигналов. Неужели, обретя чужое тело, ты не сможешь воспользоваться чужим опытом и знаниями? Напрягись!

Юлька напряглась и вылетела из этой чуждой среды обитания, поскольку настоящая Раиска наконец очухалась и пришла в себя в полном смысле этого слова. Приземлилась Юлька Раиске на правое плечо – мысли ее слушает. Мысли у Раиски путанные, сплошная паника. Но тут телефон зазвонил:

– Раиса Юрьевна, это следователь из прокуратуры. Я могу к вам подъехать?

– Что это, зачем это?

– Ну, как зачем! Нам сказали, что вы на поправку пошли, что память к вам должна возвращаться уже. Теперь необходимо протокол по всей форме составить.

Раиска запаниковала, а Юлька ей в ухо нашептывает:

– Теперь до тебя доберутся. Компьютер изымут и всю бухгалтерию разматают. Посадят тебя, ой посадят!

– Что же делать?

– А раздолбай ты свой комп! Жесткий диск вытащи и в окно выбрось.

Раиса Юрьевна ломанулась по столу скакать и компьютер курочить. Выдрала жесткий диск и зашвырнула в кусты под окном.

– А теперь чего?

– Барикадируйся, держи оборону и живой им не сдавайся!

Громит гражданка Тимохина собственные апартаменты, а Юлька на штору залетела и со стороны любит. Тут и следователь подкатил, топчется у ворот, названивает, а из Раискиных апартаментов только матюги с громом и треском раздаются.

Бестелесность

Висит бестелесная Юлька на шторах, возле форточки, думает: – Зачем ей вообще чья-то шкура нужна, когда без нее гораздо вольготнее? Ну, влезла она в бухгалтершу Тимохину – развлеклась да и только. Забавно будет дальше смотреть, как эта мадам прознает, что своими руками сынулю ментам сдала. Интересно, пойдет она выручать Жабу от суда и следствия? Впрочем, стоит ли внимания вся эта катавасия? Может лучше полетать, да оглядеться как следует? И Юлька полетела.

Летит, кувыркается в пространстве, мурлыча про себя старую песенку:

Еще в полях белеет снег,

*еще совсем нескоро лето.
Летает девочка во сне,
как-будто фея из балета.
Ей не мешают провода,
она порхает, словно птица.
А мне такая ерунда
уже давным-давно не снится.
Мы все придуманы – нас нет.
И только сон ее реальный.
Летает девочка во сне
над городом индустриальным.
И строгий город налету,
как-будто падает и тает.
Замри, прохожий на мосту,
ты видишь – девочка летает.
Да ты оглох, да ты ослеп,
а может и тебя здесь нету.
Еще в полях белеет снег,
еще совсем нескоро лето.*

Мурлычет песенку и сама с собой рассуждает: «А может и ее самой уже нету? Конечно нету! Какое же это интересное ощущение небытия!»

Полетала, спустилась на землю – прошлась. Вроде бы уже зима, она совершенно голая, а ей не холодно. Не так не холодно, как в той шкуре, где она ходячим мертвецом шастала. Здесь, в этом небытие ей светло и радостно. Так стоит ли паразитировать по чьим-то телам? За коттеджным поселком сосновый лесочек, за лесочком дубовая роща. Вот и ночь наступила, а ей все видно, да и не споткнется на коряге тот, кто может сквозь деревья гулять. Так вот ты какой Тот Свет! Тебе видно все, а тебя никто не видит. Впрочем, лесные обитатели Юльку чувят – кто шарахается, кто пытается обнюхать и натыкаясь на пустоту, идут своей дорогой. А тут белохвостая олениха к Юльке привязалась. Молодая, любопытная, глупая, что с нее взять. Это хорошо, что ночь наступила, поскольку они уже и по Всеволожску гуляют, в старые дворы забрели.

Почему олениха, а не лосиха? Откуда здесь оленям взяться? Вспомнила Юлька, что в последней своей челночной поездке, ей кто-то из попутчиков рассказывал, что виргинские белохвостые олени переселились в Ленинградскую область из Финляндии. Пришли и стали жить, поскольку в краях Суоми их развелось столько, что молодые особи предпочли искать новые пастбища в наших лесах. Причем виргинскими их назвали от штата Виргиния в США. В тридцатые годы прошлого века десяток оленей перевезли в Финляндию, где они очень быстро размножились и заполонили весь Скандинавский полуостров. Теперь и до Ленинградской области дошли. Впрочем, не сама ли наша область за счет Финляндии растопырилась?

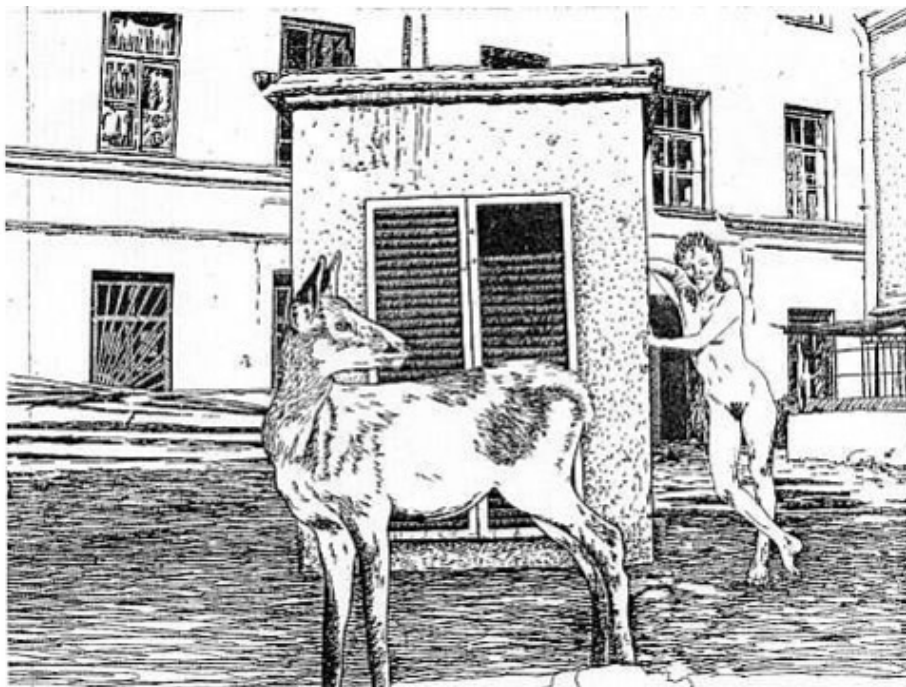
Но вот и свет в некоторых окнах зажегся – пора уводить олениху обратно в лес, на чистый снег, подальше от людей. Но олениха дальше уже сама по себе скачет так, что Юлька за ней еле поспевает.

- Куда ты, белохвостая?
- Я ищу охотника.
- Зачем?
- Чтобы он больше не смог есть мясо.
- Как ты его заставишь?
- Он подавится осколком от оленьего ребрышка.

Странный разговор с оленихой происходит. И только тут Юлька замечает, что как нет на снегу ее следов, так и олениха следов не оставляет. Значит просто души их встретились – Юлькина и оленья.

– Ээээ, милая, да тебе теперь, как и мне, никто живой не страшен. Вот только откуда ты по человечьи говорить научилась?

– Ничему я не училась. Души мыслят без человеческих слов, птичьего щебета и прочих звуков от живых тварей. Ступай, куда надумала, а я уже пришла.

А что, может в своем нынешнем небытие погулять по снежному лесу? Последний раз Юлька на лыжах стояла, еще в студенчестве, а с той поры ни в зимний, ни в летний ни в осенний лес, даже за грибами и ягодами не наведальась.

Она потом еще долго так гуляла, улетаая за облака, прыгая по веткам деревьев наперегонки с белками. Как-то заскочила в авиалайнер, летящий на высоте чуть больше десяти километров, прогулялась по салону, нырнула в спящего верзилу с толстой золотой цепью на дубе том, заморочила его сновидениями. Она-то просто развлеклась, а парень после приземления в Архангельском аэропорту, выкупил там же цветочный ларек, осыпал всех цветами и кричал, что готов жениться на первой встречной. Его было задержали, хотели в вытрезвитель отправить, да он оказался совершенно трезвым. По дороге в дурдом этот верзила расплакался и признался, что служит личным киллером у одного весьма авторитетного товарища. Его было уже приготовились повязать по-настоящему и раскрутить по-полной, но авторитетный товарищ по своей масти был такого ранга, что проще довести задержанного до больницы и поскорее забыть его бредни.

Юльке-то что, она развлекается. Понравилось ей по самолетам шастать, пассажиров морочить. Она бы и дальше так морочила, да оказалось, что не одна она там такая.

Уже скоро пол века будет, как души членов экипажа 75 авиаотряда курируют это направление. Когда, летом шестидесятого года прошлого столетия, самолет следовавший из Череповца в Сыктывкар в аэропорт не прибыл, начались поиски, которые продолжались 11 суток. 31 июля в 11:00 самолет обнаружен в лесу, на заданной линии пути близ границы Архангельской области и Коми АССР в 9 км южнее озера Кенозеро.

Непосредственная причина катастрофы – попадание самолета в грозовую облачность, в результате чего он начал разрушаться в воздухе, потерял управляемость, упал в лес, взорвался и сгорел.

С той поры души погибших пилотов и стюардесс берегут покой пассажиров и благополучные взлет и посадку этого рейса. Уж они-то быстро разъяснили Юльке, кто в самолете хозяин и выкинули ее за борт как раз над Ленинградской областью.

В ПРОСТРАНСТВЕ

Венец безбрачия

А как же там Лилька без Юльки?

Ничего себе живет. Мамаша ее за переезд на Пискаревку из Пушкина поедом грызла, так она в Юлькину комнату сбежала. Правда Юлькина соседка со своим сыночком куролесят так, что дым коромыслом и пыль столбом. Но, если тихо-незаметно пробраться и не зажигать свет, и не включать телевизор, то переночевать можно. А потом как-то борзая мамаша с торчком-сыночком и вовсе куда-то пропали и жизнь вообще наладилась. А то, что Юлька домой не появляется, так и слава Богу. Юлька, поди, аж в Китай за товаром улетела. Да и не до Юльки теперь Лильке, ей об своей жизни думать надо. Этот майор живчиком еще тем оказался. Неформалом прикидывался, а на самом деле, как заправский солдафон, в контрацептивах ни бельмеса, презерватива в глаза не видел и в руках не держал, а не то, чтобы на свой причиндал раскатать и использовать по назначению. Мутит Лильку, в залете она. А тут еще и подружки с новыми силами наседают, пока Юльки нет, норовят ее замуж пристроить, а за кого? Какая тебе Лилька разница за кого? Лучше молодая вдова, чем старая дева. Лучше потом развестись и алименты с мужа стянуть, чем сейчас матерью одиночкой стать. Сосватали ей было одного гениального мастера, который старинные иконы реставрирует. Так пока Лилька клювом шелкала, плюсы-минусы перебирала, этого мастера поповская мафия на иглу посадила и он теперь воцерковленным браткам в наркоманском реабилитационном скиту на халяву доски реставрирует. Сватали депутата райсовета и уже было дело до интимного свидания дошло, а Лильку возьми, да и замути в момент поцелуя. Она ему дорогуший костюм блевотиной изгваздала, он верещал, как поросся недорезанное, на том вся любовь и закончилась. Подружки сокрушаются, уже ей запели про венец безбрачия. А Лильке, на самом деле, эта канитель до лампочки. Она себя в замужестве не очень-то представляет. Черт ее с тем майором попутал, а так жили бы они с Юлькой душа в душу. Может и не стоит больше подруг слушать? Вот дождется она Юльку, сядут они рядом наговорятся, выговорятся и заживут лучше прежнего. Юлька на ребенка обязательно согласится. У нее язык не повернется про аборт заговорить. Только где же та Юлька? Почему так долго домой не возвращается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.